

Логачёва М. И., Синяева Т. Г.

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В УСЛОВИЯХ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/50.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 119-120. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В УСЛОВИЯХ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Логачёва М. И., Синяева Т. Г.

Поволжская государственная академия телекоммуникаций и информатики, г. Самара

В реальных условиях устной коммуникации паралингвистические средства оказывают на коммуниканта комбинированное воздействие, которое зачастую невозможно передать средствами письменного языка. Пояснительные слова и фразы способны лишь приблизительно отразить описываемую реальность.

Вокалистические средства не могут считаться адекватными, если они не подкрепляются комплексом паралингвистических средств. Можно согласиться, что известные примеры произнесения тех или иных фрагментов, иллюстрирующих негодование, заинтересованность и другие проявления чувств говорящего - на самом деле иллюстрируют лишь реализуемые модификации, и, естественно, далеки от реальности. Лишь в сочетании с другими, в том числе просодическими средствами можно добиться большей адекватности.

Необходимо вспомнить, что в каждом социокоммуникативном сообществе в определенный исторический период действуют определенные нормы, санкционирующие принятые паралингвистические реализации. Члены сообщества интуитивно придерживаются «нормальных» высоты тона, уровня громкости, качества голоса. Для уверенного владения разговорной речью в естественных для нее условиях знания подобных норм слушателями необходимы. Здесь же уместно отметить одну особенность нормативности паралингвистических средств - это соотношение аксиологической нормы с нормами идиосинкратическими, т.е. присутствующим говорящим индивидуумам. Необходимо четко различать эти нормы речи и учитывать их взаимодействие при анализе разговорной речи.

Многие лингвисты считают, что к вокалистическим супraseгментным средствам относятся, прежде всего, темп речи, уровень громкости, тембр, паузация, четкость произношения.

Многие полагают, что темп речи не является решающим фактором, обуславливающим фонетические различия. К тому же однозначная трактовка понятия темпа речи, к сожалению, отсутствует, при этом используются различные единицы измерения среднего темпа речи: количество тактов в секунду, слогов в минуту, звуков в секунду и т.п.

Но дело в том, что темп речи обычно неравномерен, т.е. импульсивен и часто деформирован под влиянием стремления говорящего как можно быстрее высказать главную мысль. Однако присутствуют и паузы (для обдумывания). Все это приводит к нарушению темпо-ритмической структуры высказывания в целом, не говоря уже об индивидуальных особенностях говорящих. Конечно, среди индивидуумов встречаются «прирожденные ораторы», показатели речи которых приближаются к регламентированной речи, но даже в этом случае проявляется «изосинхронность», из-за которой темп речи то замедляется, то возрастает.

Трудности в понимании иноязычной речи носителями языка в значительной мере вызывается нечеткой артикуляцией из-за определенной релаксации органов речи, что типично для ситуаций неформального общения. Фактором, усугубляющим эти трудности, является именно темп речи. При этом имеется в виду не просто реальная «скорость речи», т.е. количество слов в единицу времени, но и такой коррелянт темпа, как определенный набор лексико-грамматических компрессивов, позволяющих обмениваться большим объемом информации в единицу времени по сравнению с речевым обменом в нормальном темпе без использования подобных единиц. Примером подобных компрессивов в английском языке являются: *graps* (perhaps); *probly* (probably); *'cose* (because); *'bout* (about); *gonna, wanna* (going to, want to) и т.п. Использование большей части этих и подобных компрессивов не нарушает произносительных норм RP (received pronunciation) при непринужденном общении, однако их следует избегать в ситуациях, требующих отчетливого произношения.

Заметное ускорение темпа речи, почти неизбежно ведущее к артикуляционной компрессии высказывания, при котором фраза может модифицироваться, свидетельствует о состоянии возбуждения, торопливости, а подчеркнута небрежная артикуляция - об отсутствии у говорящего интереса к предмету разговора.

К вокальным невербальным супraseгментным средствам выражения в реальном общении добавляются и другие паралингвистические компоненты. Например, громко произнесенная фраза, сопровождаемая жестом, может придать фразе совершенно другой оттенок.

Некоторые из рассмотренных выше фонетических особенностей разговорной речи нашли свое подтверждение в ряде исследований фонетистов английского языка. Так, А. Багмут подчеркивает, что «спонтанная речь рассматривается как состоящая из блоков, имеющих определенную просодическую структуру и характеризующихся семантической неполнотой. Блоковый характер спонтанной речи позволяет говорящему строить речевой поток как непрерывную семантическую цепь. Блок спонтанного текста не полностью коррелирует с синтагмой. Паузальное вычленение блока создает его четкие акустические границы».

Лингвисты единодушны относительно необходимости безусловной дифференциации идентичных пар речевых произведений в тех случаях, когда один из членов пары реализуется спонтанно, другой зачитывается по записи. Экспериментально доказано, что спонтанное высказывание реализованное графически, т.е. лишенное интонации, часто воспринимается как непоследовательное и бессмысленное даже самим говорящим.

В какой-то степени может компенсировать этот пробел специальная орфографическая запись, в которой выделены ударные слоги, а также отдельные блоки высказывания, ограниченные нормальной и удлиненной паузами, что демонстрируется далее.

Что касается громкости, некоторые аспекты ее уровня являются универсальными для многих языков. Повышение и понижение уровня громкости, вплоть до шепота семантически релевантно. Более громкое произнесение всего высказывания может свидетельствовать о том, что говорящий разгневан. А понижение уровня громкости ассоциируется с секретностью, часто с интимностью. В отдельных случаях фразы, произнесенные полупшепотом, могут выражать крайнее негодование, презрение. Для передачи этого состояния в письменной речи приходится прибегать к отдельным оборотам.

Как и другие параметры паралингвистики, уровень громкости повседневной непринужденной речи может рассматриваться как социокультурная категория. То же самое относится к ведению разговора по телефону. В этом смысле широко распространенные у нас громкие разговоры по телефону свидетельствуют о пробелах в воспитании культуры речи. Однако социальные нормы многоплановы и динамичны. Молодым людям присуща более громкая речь, чем представителям среднего или старшего поколения; женщины обычно говорят более громко; иностранцы, говорящие по-английски чаще всего повышают уровень громкости, боясь быть непонятыми. Громкость разговора, естественно возрастает в условиях помех (шум в помещении или на улице, плохая слышимость при телефонном разговоре). Громкость понижается в ситуациях интимного общения. Наконец, громкость может использоваться в качестве дополнительного стилистического средства на эстраде или на сцене.

Некоторые исследователи полагают, что участникам литературно-разговорного общения чаще всего присуща взаимная аккомодация уровня громкости высказывания, выдерживание заданного уровня до тех пор, пока обстановка не потребует модификации: в сторону интенсификации или ослабления.

Список использованной литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. - Л., 1981.
2. Барнет В. К принципам строения высказывания в разговорной речи // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1985.
3. Ладыженская Б. Я. Особенности организации устной спонтанной речи. - М., 1985.
4. Тарасов Е. Ф. Деятельность, общение, речь. - М., 1984.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСВОЕНИЕ ЖИТИЙНОЙ ТРАДИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. С. ЛЕСКОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ПИГМЕЙ»)

Лукьянчикова Н. В.

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Агиографическая традиция для Н. С. Лескова является объектом пристального внимания художника, глубокого проникновения в ее природу и серьезного творческого переосмысления. Значительный круг произведений писателя 1860 - 1880-х годов имеет связь с агиографией, многие лесковские тексты можно назвать вариантами жития. Наиболее отчетливо жанровые признаки жития (в трансформированном виде) представлены в ряде рассказов и повестей, объединенных Н. С. Лесковым в цикл «Праведники». В ранних произведениях писателя излюбленным житийным типом является тип страдальца, мученика - не за веру, за свою человечность, но характеризующегося высокими душевными качествами. Наиболее ярко этот тип представлен в «Житии одной бабы» (Настя). Позднее образ мученика не уйдет полностью со страниц лесковских житий («Человек на часах», «Прекрасная Аза», «Тупейный художник»), но более интересным для писателя станет иной тип праведника - странник, искатель истины (Иван Флягин («Очарованный странник»), Марк и Левонтий («Запечатленный ангел»), архиепископ и Кириак («На краю света»)). В разное время в произведениях Н. С. Лескова появляются разные типы персонажей, которых можно соотнести с житийными (проповедники веры (прежде всего в рассказе «На краю света»), герои бескорыстные, «безмездные» («Инженеры-бессребреники», «Кадетский монастырь», «Скоморох Памфалон»), вдохновенные труженики («Запечатленный ангел») и другие). Но наиболее интересным типом, принципиальным для Лескова становится тип героя-«простеца», который зачастую включает в себя признаки перечисленных выше типов. Только «простец», с его точки зрения, способен сохранять праведность в несправедном мире, жить в нем по законам мира должного. Представляется важным и интересным выявить своеобразие взаимодействия автора с житийной традицией персоналогического и сюжетно-композиционного построения литературного текста на материале рассказа «Пигмей».

В рассказе «Пигмей» (1876), включенном в цикл «Праведники», Н. С. Лесков выводит «настоящего пигмея» - «мелкотравчатого» служащего полицейского ведомства, проводя «розыск» праведного в совсем не подходящем для этого месте. Писатель предельно заостряет ситуацию, показывая, «что может сделать для ближнего самый маленький человек, когда он серьезно за х о ч е т помочь ему» [Лесков 1985: 186]. Тема «Пигмея» продолжает тему «Однодума»: вполне сопоставимы «акты дерзновенного бесстрашия», совершенные обоими героями. Но если в «Однодуме» четко прослеживается повторение некоторых житийных ситуаций, использование ряда традиционных для агиографического произведения мотивов, то в «Пигмее»